

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
имени Н. К. КРУПСКОЙ

ТРУДЫ
Том XXX

БИБЛИОГРАФИЯ НА СТРАНИЦАХ
ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Ленинград
1976

III

Л. М. Равич

ПУТИ РАЗВИТИЯ ЖУРНАЛЬНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

Опыт постановки вопроса

Журнальная библиография в России развилась раньше других видов библиографической службы (за исключением разве библиографии книготорговой). Более того, в XVIII и в начале XIX века журнальная библиография играла особо важную роль. Регулярная регистрация произведений печати началась лишь в 1837 году; рекомендательная библиография возникла двумя десятилетиями позже. Критико-библиографическая информация на страницах периодики до появления этих видов библиографии в определенной мере выполняла их функции, информируя о новинках литературы и давая им оценку.¹

Поэтому изучение судеб русской журнальной библиографии имеет важное значение для выявления общественных функций библиографии в целом.

Как известно, уже в «Ежемесячных сочинениях...» с 1763 года началась публикация отзывов на вновь выходящие книги как русские, так и иностранные. Ни определенной системы информации, ни отчетливой методики рецензирования в этом первом опыте не удастся еще обнаружить. Оно и понятно: и критика и библиография были в России делом совершенно новым. Критика и библиография на страницах журналов были едины и нераздельны. «Ценение» (А. Т. Болотов) книг было делом как той, так и другой. Рецензия, порою более похожая на аннотацию или реферат, — вот единственный пока жанр журнального отзыва на книгу. Нерасчлененность жанров вообще характерна для эмбрионального развития журналистики, критики и библиографии. Однако характерно, что первые теоретико-методические выступления деятелей журнальной библиографии (Н. И. Новиков, Г. Л. Брайко) освещали только вопросы рецензирования, то есть были, по существу, посвящены проблемам нарождающейся литературной критики. Правда, в одном из

лучших журналов эпохи — «Санктпетербургском вестнике» — уже ставится задача дать «расписание всем выходящим в государстве книгам», но это остается пока лишь благим пожеланием. Довольно многочисленные и порой интересные попытки организации текущей критико-библиографической информации в периодических изданиях XVIII столетия свидетельствуют о том, что этот вид журнальных публикаций отвечал складывающейся общественной потребности. Вместе с тем, по отношению к изданиям XVIII века мы можем, строго говоря, отметить лишь отдельные, слабо связанные между собою опыты, не создавшие прочной традиции. Критико-библиографическая информация в журналах XVIII столетия — это, в сущности, лишь предыстория вопроса.

В первом десятилетии XIX века, в связи с развитием журналистики и ростом книгопечатания, критика и журнальная библиография расширяются. Уже около двух десятков журналов уделяют внимание рецензированию текущей печатной продукции. Развивается и крепнет методика и практика рецензирования. Следует, правда, отметить, что это связано было с развитием критической мысли в России и к библиографии прямого отношения не имело. Что же касается собственно библиографической стороны этого дела, то она и в первом десятилетии XIX века продолжала оставаться весьма аморфной и неорганизованной.

Определенным рубежом и началом нового, несравненно более высокого этапа развития журнальной библиографии следует считать 1814 год — появление отдела «Современная русская библиография» в «Сыне отечества» Н. И. Греча. Здесь впервые были не только сформулированы, но и воплощены на практике основные принципы, которым затем следовала журнальная библиография на протяжении многих десятилетий: стремление к полноте охвата текущей печатной продукции, обязательное рецензирование всех книг, оперативность информации. Попутно отметим одно любопытное обстоятельство: «Современная русская библиография» Греча — редкий случай тесной связи журнальной библиографии с библиотечно-библиографической системой. Известно, что этот отдел журнала составлялся по обязательному экземпляру Публичной библиотеки, а годовые обозрения литературы в «Сыне отечества» публиковались непосредственно по договоренности с дирекцией этого крупнейшего книгохранилища. Заметим, что и само слово «библиография» по отношению к соответствующему отделу журнала впервые употреблено именно здесь. И это не случайно. Библиография «Сына отечества» впервые в русской журналистике строилась по принципам этой новой тогда для России, но бурно развивавшейся дисциплины. Случайность и бессистемность прежних опытов были полностью отвергнуты. То, что годилось для «вольной» критики, уже не подходило для строгой библиографии.

«С развитием нашей журналистики, — писал в 1858 году Г. Н. Геннади, — в отделе критики русских повременных изданий известия о выходящих книгах становились постепенно все подробнее и полнее. Попытки журналистов следить за ходом литературы и вносить всякую книжную новость в листки их изданий начались еще в прошлом веке (...). Впоследствии в «Сыне отечества» и «Северной пчеле» эти известия выходили более точны и удовлетворительны в библиографическом отношении. Наконец, в «Московском телеграфе» уже стали думать о возможной полноте этих отчетов и старались доставлять сведения о всех выходящих в России книгах. Разумеется, эта цель трудно достигаема, и притом журналисты, при всей ревности в библиографии, имеют более в виду отдавать критические отчеты о книгах и разбирать важнейшие сочинения, чем составлять годовые или помесечные списки книг, описывать их библиографически, располагать по системе, прилагать необходимые алфавитные списки авторов и проч. Журналы, имея обширный круг читателей, не могут выполнять требований строгой библиографии, удовлетворяющей особые нужды и цели, несовместимые с условиями периодического издания для большинства публики».²

Это замечание Геннади требует пристального внимания. Здесь совершенно отчетливо высказана мысль, разделявшаяся большинством людей 50-х годов, — мысль об особых целях журнальной библиографии и ее коренном отличии от «собственно» библиографии, рассчитанной на относительно узкий круг исследователей, библиотекарей и литераторов. Геннади здесь лишь более отчетливо сформулировал то, о чем уже догадывались русские журналисты в 20—30-х годах XIX столетия. Сама специфика общелитературных журналов, их широкий читательский адрес требовали такого освещения текущей печатной продукции, при котором оценочные, критические, рекомендательные функции явно превалировали над информационными. Максимум Греча, пытавшегося в первые годы отражать в «Современной русской библиографии» всю текущую литературу, приходил в столкновение с интересами самого журнала и его читателей. Уже к началу 20-х годов количественные показатели перестают интересовать редакцию; ставка делается на укрепление, углубление критического элемента рецензии. Начинается отбор, отсеивание макулатуры, сокращение библиографических отделов за счет их углубления.

С развитием журнализма (с одной стороны) и ростом печатной продукции (с другой) в сознании организаторов библиографических отделов все более укрепляется мысль о подразделении книжного потока на «словесность» и «литературу». Ведению журнальной библиографии подлежала только вторая. «Это не литература, хотя оно и печатное»,³ — говорил Н. А. Полевой о книгах, которые он не включал в библиографический отдел

«Московского телеграфа». Отказываясь от помешений сведений о макулатуре в своем журнале, Полевой все же стремился к определенной, довольно точно понимаемой полноте — к показу того, что составляет «ход» и «дух» литературы.⁴ Это была, если так можно выразиться, не библиографическая, а критическая полнота сведений. Ведь в то время рекомендательной библиографии еще не было и в помине. Функции такого рода, принимаемые на себя передовыми журналами, и были чем-то вроде первоначальных, еще не вполне осознанных рекомендательно-библиографических опытов. Однако — и это следует подчеркнуть — в сознании журналистов подобная деятельность никак не воспринималась как библиографическая. Последняя мыслилась как нечто несравненно более академическое, адресованное лишь узкому кругу.

Библиография, по мнению Полевого, это «наука описывать книги по известным правилам», она «касается собственно до названий, не входя в „сущность книг“».⁵ Вместе с тем от библиографии требуется высокая научная добросовестность, она должна быть верной статистикой просвещения и книгопечатания. «Собственно» библиография, в отличие от журнальной, должна охватывать всю печатную продукцию, независимо от качества и содержания. Журнальная же библиография обязана «сказать о достоинстве вновь выходящего, замечательного сочинения определительным образом».⁶ Как мы видим, уже Полевой довольно отчетливо видел различия как в объекте, так и в целях между «собственно» библиографией и журнальной.

Еще более резко и отчетливо эта граница проводилась В. Г. Белинским. «Не все, что касается до литературы, входит в историю литературы, — писал он в 1842 году. — Многие поступают в ведомство статистики литературы, которая занимается всеми книгами и всеми писателями без изъятия, подводя их под числа и итоги иногда очень интересные и поучительные». «Всякая литература имеет свою историю, тогда как словесность может иметь только библиографию (...). Словесность лишена арены: она может интересовать только любознательных ученых, тружеников науки, книжников, литераторов, которые одни только и могут ею заниматься».⁷

Отбирая, в отличие от библиографии, произведения, достойные внимания в том или ином отношении, журнальная рецензия принадлежит, по выражению Белинского, к «малой критике»: «Это — низшая, практическая критика, столь необходимая, столь важная, столь полезная и для публики и для журнала».⁸ Если в начале своей деятельности Белинский, вслед за журналистами 20—30-х годов, еще писал, что рецензия — это «не критика, а отзыв, простое мнение» (1835 г.), то в конце жизни, имея за плечами долголетний опыт критико-библиографической работы в «Отечественных записках», он уже тяготился «двойным разделением критики на большую, или собственно критику, и ма-

люю, или рецензию».⁹ Реформа по слиянию отделов критики и библиографии, которую провел Белинский, придя в «Современник», и была признанием того, что рецензия является жанром критики и принципиально не отличается от большой критической статьи. Библиография же отделялась им совершенно, она приняла форму перечневых списков новинок, прилагавшихся к журналу через определенные промежутки времени.

Так впервые на практике была проведена граница между словесностью (объектом библиографии) и литературой (частью словесности, являющейся объектом критики). И хотя эта реформа не удержалась в журнале после смерти великого критика, все же дальнейшее развитие библиографических отделов явилось подтверждением его правоты. Знаменательным представляется нам тот факт, что в начале 50-х годов Н. Г. Чернышевский самостоятельно пришел к тем же выводам. Совершенно очевидно, что традиция в этом вопросе уже приходила в столкновение с практикой журнальной работы.*

Со смертью Белинского (совпавшей, как известно, с началом «мрачного семилетия») завершается второй этап развития журнальной библиографии. В эти годы журнальная библиография выполняла не только функции критического освещения новинок литературы, но и обязанности текущей информационной, а отчасти и рекомендательной библиографии, что делало ее более общественно значимой. Существовая в начале названного периода еще слитно, критика и журнальная библиография к середине 40-х годов начинают поиски собственной специфики. Не забудем, что в то время начинался процесс дифференциации гуманитарных дисциплин, в частности, и книговедческих. Старый энциклопедизм трещал по швам; новая методика еще не родилась. Это был медленный, подспудно совершавшийся процесс, но он свидетельствовал о наступающем новом, более высоком уровне развития. Нужен был глубокий и бескомпромиссный ум Белинского, чтобы заметить эту тенденцию и сделать из нее четкие, ясные теоретико-практические выводы.

Крепнущей критической мысли, сделавшей поистине гигантский скачок благодаря прежде всего тому же Белинскому, уже становилось тесно в скромной роли «подруги» журнальной библиографии. С другой стороны, «собственно» библиография как область научной и общественной деятельности развивалась

* Правда, еще за два десятилетия до прихода Белинского в «Современник» мысль об отделении рецензий от библиографических известий возникла у Полевого. В неосуществленном проекте газеты «Компас» он писал о своем желании печатать в ней библиографические списки новой литературы, а в журнале предполагал оставить лишь рецензии на важнейшие произведения, не отделяя их от критических статей. Полевой также пришел к этой мысли от богатой практики, показавшей ему, что принципиального отличия рецензии от критической статьи не должно быть, что все это — литературная критика.

своими путями, весьма слабо связанными с судьбами журналистики.

В тесном отношении с судьбами журнальной библиографии этого периода стоит вопрос об эволюции и развитии рецензии.

Впервые требования к журнальному отзыву на книгу были, как известно, сформулированы М. В. Ломоносовым. «Что же касается журналистов, — писал он, — то их обязанность состоит в том, чтобы давать ясные и верные краткие изложения содержания появляющихся сочинений, иногда с добавлением справедливого суждения либо по существу дела, либо о некоторых подробностях выполнения».¹⁰ Не следует, однако, забывать, что здесь речь идет только о «кратких изложениях содержания», то есть о том, что мы сегодня назвали бы рефератом, и где критика вообще не обязательна. Поэтому этот опыт рассуждения «о должности журналистов» имеет отношение к библиографии скорее в научных, чем в общелитературных журналах.

Приступая к изданию «Санктпетербургских ученых ведомостей», журнала, посвященного рецензированию выходящей в свет литературы, Новиков ставил перед собою совсем другие задачи. Здесь как раз оценочный элемент, который Ломоносов в лучшем случае допускал, становится основным. «Критическое рассмотрение издаваемых книг и прочего, — писал Новиков в предисловии к журналу, — есть одно из главнейших намерений при издании сего рода листов и может почитаться душою сего тела».¹¹ Критика и библиография здесь еще находятся в нерасторжимом единстве; рецензия считается жанром как той, так и другой. Задачи критики и библиографии (и не только журнальной) в это время практически неразличимы.

Однако уже на рубеже XIX столетия, то есть на относительно ранней стадии, намечается стремление к разграничению этих областей деятельности. Журнал «Северный вестник», уделявший значительное внимание критическому освещению новинок литературы, заявлял: «Рецензия не есть библиография, в которой помещается одно только извлечение из книг, а менее того реестр книг, в котором выставляется только одно название книги».¹² Здесь мы видим как бы три ступени: книготорговый реестр — низшая форма библиографии, в котором наличествует только перечисление заглавие, «собственно» библиография, которая может давать извлечения из книг для того, чтобы дать представление об их содержании, стиле и т. п. (вспомним «Опыт» Сопикова) и рецензия, которая уже мыслится как жанр более творческий, близкий к критике. Подобное деление было вполне в духе времени. Например, А. К. Шторх также отчетливо различал «репертории или систематическим порядком расположенные реестры» (т. е. «собственно» библиографию) и «журналы литературы, в которых объявляется и рассуждается о нововыходящих сочинениях», причем, по его мнению, последние «не токмо имеют целью объявления и суждения о ново-

вышедших книгах, но служат также и к тому, что из оных можно обозревать состояние всей литературы вообще в течение какого-либо периода и сравнивать оное с состоянием другого периода». ¹³ Таким образом, перед критико-библиографическим изданием ставились не столько даже информационные, сколько критические задачи.

Следует отметить, что в то время «суждение» считалось прерогативой именно таких специальных научно-книговедческих изданий (Шторх ссылается при этом на опыт «всех просвещенных народов»). Поэтому, когда русские общелитературные журналы взяли на себя оценку текущей печатной продукции, это было воспринято библиографами чрезвычайно болезненно. Так, П. И. Кеппен писал в 1819 году, что понятие «библиографии» в собственном значении сего слова (...) некоторыми литераторами неосновательно распространено и на самые суждения о книгах». ¹⁴ Такого же мнения придерживался В. Г. Анастасевич, считавший, что рецензии должны писать специалисты конкретных областей знания, а не журналисты, которые «предпочитают остроумие благоразумию». ¹⁵

Думается, что тут действовала непреодоленная еще сила традиций, требовавшей от журнала не столько рецензий, сколько рефератов, которые действительно были под силу лишь специалистам-ученым. Однако жизнь, практика, общественная потребность властно опрокидывали кабинетные построения библиографов. Именно рецензия, притом весьма пестрая по форме (отзыв, фельетон, пародия), стала ведущим жанром общелитературной журналистики.

Характерно, что Гречу приходилось неоднократно заявлять, что отзывы на новые книги, печатавшиеся в его журнале, это только «краткие замечания» и что «между замечанием и критикой, то есть судом, разница превеликая». ¹⁶ Полевой также любил называть журнальную рецензию «легкими общими замечаниями» в отличие от критики — «ученых известий о книгах». Однако сама практика этих журналов опровергала подобные заявления. И в «Сыне отечества», и тем более в «Московском телеграфе» рецензия зачастую далеко перерастала рамки простых замечаний и превращалась в принципиальные выступления редакции, ничем не уступавшие (кроме разве объема) серьезным критическим статьям.

Уже на ранней стадии критический элемент журнальной библиографии стал обязательным ее свойством. Недаром первые опыты публикации регистрационных списков на страницах общелитературной периодики были встречены в штыки как раз передовыми журналистами. Так, Н. И. Надеждин зло высмеял «похвальное усердие» М. П. Погодина, поместившего в своем журнале превосходный, по тем временам просто образцовый, список книг за 1829 год, составленный В. Д. Комовским. По мнению Надеждина, в библиографическом отделе общелитера-

турного журнала главное — не полнота информации, а оценка литературы. Именно это и привлекает к нему читателей, делает популярной журнальную библиографию. Здесь нужен «чичероне, который бы умел не только назвать имена, но и растолковать по родимым пятнам курьезные свойства всех многочисленных и многообразных изделий пишущего человечества. Для журнала сию должность может исправлять, как нельзя лучше, Рецензия (...). С помощью сей подруги, Библиография может, если не задерживать, то по крайней мере зацеплять слегка летучее внимание». ¹⁷ И, действительно, все попытки наладить на страницах периодики текущий учет литературы без ее оценки неизменно терпели поражение: такая библиография, при всей ее значимости, не находила себе места на страницах неспециальных изданий. Это еще раз свидетельствует о том, что в альянсе «критика — библиография», возникшем на страницах периодики, главнейшей силой являлась критика, несмотря даже на то, что в эти годы в стране не было текущей библиографической регистрации. Тем более это верно для последующих десятилетий, когда информационная служба была как-то налажена. Тут уж оценочные функции журнальной библиографии и вовсе вытесняют все другие.

Разумеется, все сказанное выше ни в какой мере не мешает считать журнальную библиографию XVIII и первой половины XIX века именно библиографией, как ни велики были ее критические задачи. Точнее, впрочем, было бы ее назвать критико-библиографической информацией, имея в виду нерасчлененность жанров, свойственную книговедению той эпохи. Как бы то ни было, в условиях отсутствия многих основных видов библиографии журналы выполняли часть их функций. Отсюда, например, стремление к полноте охвата если не словесности, то хотя бы литературы, то есть установка на какой-то определенный отбор и совокупность произведений, свойственная не критике, а именно библиографии. В дальнейшем журнальный критико-библиографический отдел лишается и этой, роднящей его с библиографией, черты.

В XVIII и первой половине XIX века критико-библиографическая информация в журналах обладала рядом свойств, которые мы назвали бы вынужденными. Они были обусловлены не столько природой журнальной библиографии, сколько общим состоянием библиографии в стране, которое уже не удовлетворяло возросших потребностей читателя, особенно демократического. Отставание «собственно» библиографии привело к тому, что периодические издания брали на себя (и частично выполняли) задачи, органически им не свойственные. Недаром ни в одной стране библиография на страницах журналов никогда не имела такого общественного значения и авторитета, как в России.

К концу названного периода, в связи с причинами, не имевшими прямого отношения к журнальной библиографии (о них будет сказано ниже), информационное значение библиографических отделов периодических изданий уменьшается, а значение критики резко возрастает. Отметим, однако, что этому процессу, исторически вполне закономерному, противостояла сила традиции. Так, Белинскому в «Отечественных записках» еще приходилось давать отзывы решительно обо всех книгах, попадавших в поле зрения редакции журнала (чем, как известно, он страшно тяготился), хотя он же сам со страниц журнала неоднократно обращал внимание читателей на существование «Указателя вновь выходящих книг» при «Журнале Министерства народного просвещения», вполне, по его мнению, удовлетворявшего потребности в текущей информации. По справедливому заключению Белинского, подавляющая часть текущей печатной продукции вообще не должна отражаться на страницах общелитературного журнала: рецензировать ее было слишком неблагодарным, да и не слишком нужным занятием. Ее достаточно было просто перечислять, да и то только в специальном издании, а не в популярном журнале, рассчитанном на широкого читателя. Заметим, что «Отечественные записки» времен Белинского были *последним* русским общелитературным журналом, стремившимся отразить в своем библиографическом отделе все вновь выходящие книги.

Уже в начале 50-х годов XIX века критика и библиографическая информация на страницах периодики отчетливо различаются не только принципиально (по задачам и методам), но и по объекту. В тех же «Отечественных записках» число рецензий значительно сокращается, а библиография уходит в приложения (годовые списки середины 50-х годов, которые, впрочем, тоже вскоре переходят на страницы специальных книговедческих изданий).

Н. Ф. Бельчиков в свое время отметил: «В прошлом известны неоднократные попытки объединения библиографа с критиком, делавшиеся не по капризу, а по велению истории».¹⁸ Для первых четырех десятилетий XIX века, не говоря уже о более раннем периоде, это было именно так. Исследователь «Отечественных записок» В. И. Кулешов замечает по этому поводу: «Энциклопедизм обязывал Белинского анализировать решительно все книги и книжонки. Спешный, присяжный характер критики, обязательная необходимость сказать хоть что-нибудь даже о книжке, которая бездарна и посвящена вопросам, далеким от интересов критика, порождали в статьях и рецензиях Белинского соответствующие интонации и конструкции, начиная от ядовитой пародии и кончая отзывами, сводившимися к простой выписке заглавия, с поправкой в нем грамматических ошибок (...). В то время критические жанры были еще неопределенными, связанными с библиографией, с тем, что можно на-

звать разговором по случаю, «разговором, подслушанным в книжной лавке».¹⁹

Однако, уже здесь, в прокрустовом ложе библиографического отдела, вызревают и крепнут не только жанры критики, но и сама критическая мысль. Нельзя не согласиться с Н. Л. Степановым, который писал, что «достижением этого времени является (...) распространение жанра рецензий — этого наиболее оперативного вида литературной критики».²⁰

Как совершенно справедливо отметил Бельчиков, «условия книжного дела, расширение сферы научной деятельности, расцвет общественно-политической жизни страны, привлекающий для своего обслуживания особый кадр работников умственного труда, и изменение условий книжного рынка *развели в разные стороны* когда-то действовавших в одном периодическом издании критика и библиографа, зачастую вместе выполнявших сообща в одних и тех же статьях одним пером задачи практического книговедения и научной критики вышедших книжных новинок».²¹ Библиографические функции берут на себя вновь возникающие новые виды «собственно» библиографии: текущая учетно-регистрационная и — несколько позднее — рекомендательная. Возникают специальные книговедческие журналы, на страницы которых переходит текущая библиография.

Библиографические отделы общелитературных журналов к концу 50-х годов заметно уменьшаются в объеме; их информационные функции сводятся до минимума. Тому было множество причин — и чисто книговедческих (о которых мы говорили выше), и общественно-политических. Известно, что отделы критики и библиографии русских журналов долгие годы выполняли и функции трибуны общественного мнения. В годы реакции это был единственный отдел журнала, где можно было под предлогом разговора о книге (иногда совершенно ничтожной) намекнуть читателю на животрепещущие проблемы современности. К концу николаевского царствования прогрессивная журналистика довела до совершенства тот «эзопов язык», то умение говорить «по поводу» книги, которые и служили средством пропаганды передовых идей в подцензурной журналистике. Громадный авторитет, который имели отделы критики и библиографии русских передовых журналов среди читателей и то внимание, которое уделяли им редакторы, объясняется прежде всего именно этим обстоятельством и не имеет прямого отношения не только к библиографии, но даже и к критике (если только не понимать ее как чистую публицистику).

М. А. Антонович вспоминал: «Добролюбов в разговорах со мною часто высказывал свои взгляды на библиографию в общем журнале и на требования, которым она должна удовлетворять. По его мнению, журнал должен брать для библиографии только такие сочинения, которые или не согласны или же согласны с его направлением; в первом случае он имеет воз-

возможность опровергать враждебные мысли, подрывать, осмеивать, унижать их; во втором же случае ему предоставляется предлог повторить свои собственные мысли, напомнить о них, разъяснить, подтвердить или усилить их. Сочинения же индифферентные в смысле направления, хотя бы и интересные сами по себе, не должны попадать в библиографию общего журнала, им место в специальных библиографических журналах».²²

Вне всякого сомнения, то, что здесь именуется «библиографией в общем журнале», является критикой-публицистикой, интересующейся не книгами самими по себе (не исключая, как мы видим, серьезных и интересных), сколько возможностью высказаться по политическим вопросам. Ясно, что библиография, даже рекомендательная, не пользуется подобной методикой. Книга для библиографии никогда не является предлогом; она ее объект! Можно с уверенностью сказать, что к началу 60-х годов, то, что в журналах продолжало именоваться библиографией, потеряло почти все связи с последней — по объекту, методике, целям и задачам. Любопытно, что Н. В. Шелгунов, говоря о библиографическом отделе боевого «Русского слова», охарактеризовал его как «пропаганду и публицистику в форме библиографии».²³ Заметим от себя, что и форма-то была лишь внешне похожей на библиографию (перечень). Сохранялось лишь традиционное название отдела; старинное и почтенное слово библиография часто играло лишь роль оболочки, порою сознательно применявшейся во избежание цензурных репрессий.²⁴

Такое положение особенно характерно для конца 50-х, начала 60-х годов XIX века. В дальнейшем публицистическое значение критико-библиографических отделов русских журналов пошло на убыль. И современники, и позднейшие исследователи единодушны в указании причин этого явления. Оно объясняется тем, что периодические издания получили некоторую возможность обсуждать общественные вопросы более открыто и уже не было надобности использовать для этих целей разговор «по поводу книги». «Критико-библиографический отдел „Современника“ 1861—62 гг., в особенности если брать литературную критику и библиографию, не играет той первенствующей роли, которую он играл еще недавно»,²⁵ замечает исследователь журнала В. Е. Евгеньев-Максимов. Он даже склонен считать, что Чернышевский полностью передал этот отдел Добролюбову не только в силу таланта последнего, но и потому, что хотел избавиться от этой работы, уже терявшей свои политико-публицистические возможности.

Интересное наблюдение было сделано и Я. А. Ростовцевым, который ставил сокращение библиографических отделов русских журналов в прямую связь с тем, что последние «получили недавно некоторую возможность обсуждения большего против прежнего круга предметов»²⁶ и таким образом не было уже на-

добности использовать рецензию как предлог для высказываний на политические темы.

Итак, в 60-е годы журнальная библиография переживает двойной кризис: книговедческий и политико-публицистический. Золотой век журнальной библиографии подходит к концу.

Однако именно в условиях кризиса традиционной критико-библиографической системы русские общелитературные журналы начинают принимать на свои страницы новые, подлинно библиографические жанры и прежде всего — тематический список литературы. В принципе — это один из самых перспективных жанров журнальной библиографии, так как здесь редакции журналов получают возможность средствами библиографии продолжить, развить, закрепить статейный материал. Выбор тем для подобных списков, аннотации, предисловия, определенный подбор литературы — все это обладает громадными просветительскими возможностями. Лаконичность же библиографии позволяет на малом пространстве сказать очень многое, что несомненно также весьма существенно для любого периодического издания.

Тематическая библиография родилась и получила становление на страницах периодики. И это не случайно. Библиографический список, соответствующий направлению и характеру журнала, может стать его органической частью. Вместе с тем популярность, широкая обращаемость журналов делает такие указатели достоянием широких кругов читателей, дает им такую аудиторию, о которой не может и мечтать отдельно изданная библиография. Между тем, несмотря на столь явные преимущества, тематическая библиография не получила должного развития на страницах общелитературной периодики, хотя она и родилась в них. Зато специальные журналы прочно освоили этот жанр. Любопытно, что именно в 60-е годы подавляющее число тематических указателей и даже многие отраслевые указатели были опубликованы на страницах специальной периодики — либо отраслевой, либо книговедческой.

Менее живучим оказался для журналов другой вид библиографии — общая учетно-регистрационная, которую приняли было на свои страницы некоторые периодические издания того времени. Появление этого вида библиографии диктовалось насущной необходимостью в полной информации, и журналы проявили в этом случае присущую им инициативу. Однако вскоре оказалось, что таким громоздким и сухим материалам не место на страницах популярных изданий, читатели которых привыкли совсем к другой библиографии.

Надо отметить, что и рекомендательная библиография родилась на страницах периодики. Первые опыты ее (указатели Геннади, Ф. Г. Толля, В. И. Водовозова) как нельзя лучше соответствовали духу передовых журналов эпохи, опубликовавших их. Однако тут произошло нечто не совсем понятное: союза

рекомендательной библиографии с журналистикой не получилось. В чем причина этого явления?

Становление рекомендательной библиографии как особого вида, происшедшее примерно в середине 70-х годов XIX века, застало журнальную библиографию, если так можно выразиться, врасплох. Рекомендательный список, родившийся на страницах периодики, довольно скоро покинул ее, оформившись в отдельно существующий вид библиографии и отняв у журналов ряд важнейших функций: отбор лучшей литературы, ее оценку и рекомендацию, то есть как раз то, что делало столь популярными у читателей критико-библиографические отделы лучших журналов. Как раз те черты, которые роднили журнальную библиографию с критикой — публицистикой и которыми не обладала дотоле «собственно» библиография, появились в последней вместе с возникновением рекомендательной библиографии. Казалось бы, журнальная библиография должна была на этом участке еще более тесно сомкнуться с библиографией в целом. Рекомендательная библиография, действительно, впитала в себя лучшие достижения критико-библиографической информации, выработанные передовой русской журналистикой; однако обратного процесса не произошло: журнальная библиография не позаимствовала, в свою очередь, ничего от бурно развивающейся рекомендательной библиографии. Этот феномен еще ждет своего объяснения.

Рекомендательный тематический список, который, казалось бы, как нельзя более отвечал особенностям журнальной библиографии, так и не стал органической частью общелитературного журнала.

Если мы имеем право считать, что журнальная библиография вот уже сто лет топчется на месте, то это касается прежде всего ее жанрового консерватизма. Рецензия как один из основных видов журнального отзыва на книгу, переживала время от времени периоды стремительного взлета; но другие, специфически библиографические формы журнальной работы не получили, в сущности, настоящего развития. А так как с резким увеличением роста печатной продукции набор журнальных рецензий все менее и менее оказывался способным охватить весь книжный поток (даже в пределах собственно литературы), то в конце концов журнальная библиография оказалась перед лицом серьезнейшего кризиса, который можно назвать и кризисом жанра.

В самом деле, по неписаной, но издавна утвердившейся традиции от журнальной библиографии требуют оценки большей части выходящей в свет литературы, оценки, которую невозможно осуществить при сложившемся положении вещей. Рецензии, без помощи других, более экономичных и оперативных видов журнальной библиографии (список, обзор и др.) не в состоянии выполнять задачу освещения текущего книжного

потока. Если система рецензий принадлежит библиографии, то она должна считаться с тем, что библиографическая служба данной страны в данную эпоху уже производит многочисленными, только библиографии свойственными способами, оценку печатной продукции, выпускаемой в свет. Однако этого, как мы знаем, не было и нет. Если же рецензия принадлежит критике-публицистике (как это сложилось в России в силу особых условий общественного уклада), то количественно-библиографические показатели здесь вообще не применимы и мы не вправе говорить о журнальных рецензиях как о способе информации (хотя, разумеется, информационный элемент в качестве подсобного тут имеется). Основная цель подобных рецензий отнюдь не информационно-библиографическая; спорить об этом, по видимому, уже не приходится.

Разумеется, все это не касается библиографии на страницах отраслевой и специальной периодики, которая уже давно выполняет совсем иные функции, являясь частью данной отраслевой библиографии и подчиняясь ее законам и нуждам. Что же касается библиографии на страницах литературных и популярных журналов, то она пока ни в какую библиографическую систему не входит и не координирует своих усилий ни с рекомендательной, ни с массовой информационной библиографией, и это, разумеется, не может не сказываться на ее уровне. Действуя в каком-то непонятном, ею самой созданном вакууме, библиография на страницах литературных и популярных журналов не может выполнить возлагающихся на нее задач воспитательного и просветительского характера. Между тем потенциальные ее возможности безграничны; их даже нельзя сравнить с возможностями собственно библиографии, даже самой массовой и общедоступной. Поэтому перестройка всей системы журнальной библиографии является в настоящее время насущнейшим вопросом культурной жизни страны.

Нет сомнения в важной роли рецензии как критического отзыва на книгу; однако в настоящее время журнальной библиографии надо обратить пристальное внимание и на специфически библиографические жанры, если она хочет выполнить возлагающиеся на нее задачи. В частности, необходимо вернуть право гражданства обзору, который в передовой русской журналистике был некогда столь популярен. То, что в некоторых современных литературных журналах называется обозрением, как правило, представляет собой лишь набор ничем не связанных между собою рецензий.

За долгие годы существования в России журнальной библиографии и критики выработались два типа обзора. Первый — проблемно-критический — начиная от обозрений А. А. Бестужева в декабристской «Полярной звезде» и кончая знаменитыми обзорами Белинского (о последующих опытах мы не го-

ворим, ибо ни один из них никогда не достигал глубины названных выше).

Второй тип — гораздо более скромный по поставленным задачам и простой по выполнению — обзор содержания последних номеров журналов. Начиная с 30-х годов XIX века такие обзоры печатались во многих журналах, как общелитературных, так и книговедческих. Довольно типичным для журнальной библиографии был и обзор новинок зарубежных литератур. Сжатая и насыщенная сведениями форма обзора дает журналу громадные возможности, сочетая гораздо более успешно, чем рецензия, критику с библиографической информацией. Очевидно, нынешним литературным журналам не мешало бы припомнить опыт лучших периодических изданий прошлых лет и вернуть права гражданства забытым формам журнальной библиографии.

В 1909 году в своей статье «К вопросу об упорядочении журнальной библиографии» К. Н. Дерунов отмечал низкий уровень последней и бессистемность традиционных журнальных отзывов о книгах. Он полагал, что выход из этого тяжелого положения — в разделении функций между журналами, в выработке определенной общей системы рецензирования, в которой каждое периодическое издание будет занимать определенное место и заниматься рецензированием определенной литературы.²⁷ Нам такое решение не представляется плодотворным. Жизнь показала, что оно и нереально. Какой журнал (повторяем, что речь не идет об отраслевой периодике) откажется от рецензирования интересной книги и уступит это другому? Критика — не библиография, в которой возможна координация работ. Нам кажется, что договоренность между однотипными журналами (если таковая вообще достижима) должна осуществиться не на критическом, а на библиографическом уровне (публикация обзоров новинок, обзоров журналов, тематических списков и т. п.).

Есть, однако, еще один канал: специальное издание, посвященное отражению текущей литературы и публикующее как рецензии, так и библиографические списки и обзоры. Многочисленные опыты такого рода, предпринимавшиеся и в дореволюционной России, и в советское время, как правило, не были долговечными, хотя среди них встречались чрезвычайно интересные издания. Причиной постигавших их неудач были по-видимому, максималистские программы, предполагавшие рецензирование всех или большинства выходящих в свет сочинений. Это, разумеется, утопия. Но журнал подобного рода со строго и разумно составленной программой, ограничивающейся литературой определенной тематики или определенного типа или еще любым иным образом трезво оценивающей ситуацию, безусловно мог бы существовать и принести бы большую пользу читателям. Кроме того, в подобном издании следует, вопреки

опытам предшественников, использовать и специфически библиографические методы и возможности. Даже при всех ограничениях, на критическо-рецензионном уровне невозможно обозреть текущую литературу. Необходим, по-видимому, строжайший отбор произведений для рецензирования; все же остальное надо раскрывать методами библиографии, более экономичными, но отнюдь — иной раз — не менее содержательными.

«Как маятник, русская журнальная библиография качается из стороны в сторону от радостных надежд к горьким разочарованиям»,²⁸ — писал Дерунов. Для того, чтобы эти радостные надежды наконец сбылись, журнальной библиографии необходимо прежде всего ощутить себя именно библиографией, войти в тесный союз с теми библиографическими мероприятиями и системами, которые уже существуют в стране, и научиться применять методы, которые вот уже полторы сотни лет применяет передовая отечественная библиография.

Примечания

1. См. подр.: Мартынов И. Ф. — в наст. сб., с. 101—115.
2. Геннади Г. Н. Литература русской библиографии. Описание библиографических книг и статей, изданных в России. СПб., 1858, с. 8—9.
3. Русская литература. — «Московский телеграф», 1831, ч. 39, с. 488.
4. (Предисловие к обзору «Иностранная литература») — «Московский телеграф», 1825, ч. 1, с. 89.
5. Взгляд на русскую литературу 1825 и 1826 гг. — «Московский телеграф», 1827, ч. 21, с. 116.
6. Современная русская библиография. — «Московский телеграф», 1828, ч. 21, с. 116.
7. Белинский В. Г. (Общее значение слова литература). — Полн. собр. соч., т. 5. М., 1954, с. 636—637.
8. Белинский В. Г. Ничто о ничем или отчет г. Издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы. — Указ. изд., т. 2, М., 1953, с. 46.
9. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года. — Указ. изд., т. 10, М., 1956, с. 49.
10. Ломоносов М. В. Рассуждение об обязанностях журналистов. — Полн. собр. соч., т. 3. М. — Л., 1952, с. 218.
11. «Санкт-петербургские ученые ведомости», 1777, № 1.
12. Критика. Рассмотрение всех рецензий, помещенных в ежемесячном издании. — «Северный вестник», 1804, № 2, с. 156.
13. Шторх А. К., Аделунг Ф. П. Систематическое обозрение литературы в России. СПб., 1810, с. 7—8.
14. Кеппен П. И. Материалы для истории проповедания в России. № 1. СПб., 1819, с. 58.
15. Письмо к издателю. — «Сын отечества», 1820, ч. 14, с. 274—275. См. также: Брисман М. А. В. Г. Анастасевич (1775—1845). М., 1958, с. 123—124.
16. Разные известия и замечания. — «Сын отечества», 1814, ч. 18, с. 112.
17. Библиография. — «Телескоп», 1831, № 1, с. 113.
18. Бельчиков Н. Ф. «Библиограф». — В кн.: Русская журналистика. Шестидесятые годы. М. — Л., 1930, с. 177.

19. Кулешов В. И. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М., 1958, с. 279—280.
 20. Степанов Н. Л. Литературная критика на рубеже двух столетий. — В кн.: История русской критики. Т. 1. М., 1958, с. 160.
 21. Бельчиков Н. Ф. Указ. соч., с. 176.
 22. Антонович М. А. Из воспоминаний о Н. А. Добролюбове. — В кн.: Шестидесятые годы. М. — Л., 1933, с. 139.
 23. Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлова М. Л. Воспоминания, т. 1. М., 1967, с. 225.
 24. Бельчиков Н. Ф. Указ. соч., с. 178.
 25. Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, с. 557.
 26. Ростовцев Я. От редакции. — «Книжный вестник», 1866, № 2, с. 14.
 27. «Русская школа», 1909, № 11, отд. 1, с. 86—104.
 28. Там же, с. 104.
-